

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ЗОЛОТЫЕ
ПОДКОВКИ

Народное творчество (Фольклор)

Золотые подковки

Аннотация

«Служил у одного короля солдат Климов, так, немудрящий солдатишка, – полковую конюшню чистил, только на то его и хватало. Вот, раз вечером наказывает Климову фельдфебель: „Полковницкий денщик говорил, что собирается завтра до света в конюшню зайти, чистоту посмотреть. Так ты, Климов, за ночь, гляди, все чисто прибери; а то, если что, – беда тебе будет!“ ...»

Народное творчество

Золотые подковки

Служил у одного короля солдат Климов, так, немудрящий солдатишка, – полковую конюшню чистил, только на то его и хватало. Вот, раз вечером наказывает Климову фельдфебель: «Полковницкий денщик говорил, что собирается завтра до света в конюшню зайти, чистоту посмотреть. Так ты, Климов, за ночь, гляди, все чисто прибери; а то, если что, – беда тебе будет!»

Взял Климов метлу с лопатой и давай прибирать в конюшне. К полуночи сморил его сон, прилег он в пустом стойле на сено и задремал. Только, недолго проспавши, проснулся он и слышит: писк, топот, возня по конюшне идет, точно ребятишек туда целая орава забралась. Выглянул Климов потихоньку – от фонаря-то в конюшне видно, – смотрит: чертенят видимо-невидимо, да все маленькие: так-то по конюшне в чехарду играют, возятся, дерутся... Известно, ребятишки: надоело, стало быть, в преисподней все у старшего, у Дедушки Лысого, на глазах сидеть, слушать, как он ворчит да ругается. Смотрел на них Климов, смотрел – и смешно, и занятно!.. Вдруг один чертенок как прыгнет, точно кузнечик, да прямо около него в сено. Тут его Климов и сцапал за хвост: «А, – говорит, – попался! Теперь не выпущу». Прочие чертенята вмиг сгнули, а этот давай солдата просить-молить:

«Дяденька, родимый, отпусти. Никогда не буду!» «Нет, – говорит Климов, – постой-погоди: вот как закрепшу я тебя, тогда и вправду не будешь. Эх, говорил я фельдфебелю, чтоб козла в конюшне завести; а то, сделай милость, какая пакость завелась!.. Ну, рассказывай: зачем сюда забрались?» «Поиграть, дяденька; нас Дедушка Лысый отпустил, потому – мы сегодня в первый раз подковки надели, праздник у нас». Повернул Климов чертенка вверх ногами, поглядел: и вправду у него копытца золотыми подковками подкованы. «Это что ж у вас подковки значут, – спрашивает, – чин что ли какой?» «Нет, – говорит чертенок, – мы еще маленькие, без чинов. А подковки нам подбивают, чтоб мы могли людей морочить: в подковках вся сила». «Вот ты какой: мразь этакая, а уж морочить можешь! Нет, нельзя тебя отпустить!» Взмолился чертенок, плачет, лапки к Климову тянет. «Дяденька, голубчик, не губи, отпусти! Мамка по мне с горя изведется». – «Стало быть, у тебя и мать есть?» – «Есть, дяденька. Вдова она, а у нее я один только». – «Ах ты, скажите на милость! Тоже мать у него, у пакости этакой, есть! Ну ладно: отпустить, я тебя отпущу; только сниму с тебя твои подковки, чтоб ты людей смущать не мог». Все плачет чертенок: «Ох, дяденька, без подковок беда мне к Дедушке и на глаза показаться – драть будет... Да и тебе эти подковки опасные: если заморочишь кого до смерти или на смертный грех морокой наведешь – тут же мы тебя в преисподнюю утащим». «Ладно, – говорит Климов, – рассказывай! Зачем до смерти

морочить. Я только для того глаза отводить буду, чтоб себе получше сделать». Взял клещи, оторвал у чертенка подковы, подрал его за вихор, чтоб не баловался, и выпустил. Как юркнет чертенок под пол, точно крыса!

«Любопытно, должно быть, – думает Климов, – людей морочить. Надо сейчас попробовать с фельдфебелем шутку сыграть. Коли не удастся, ну побьет, не первый снег уж мне на голову...» Взял натаскал грязи и навозу со двора, раскидал в конюшне; всюду гадость, срам такой наделал – смотреть тошно. Только управился – бежит фельдфебель; оглянулся кругом: «А, – говорит, – поспел убраться! Кажись, все чисто. Сейчас полковник будет». Вошел полковник, сердитый-пресердитый – всю ночь в карты играл, проигрался: хочется на ком-нибудь злобу сорвать. Вошел и давай по конюшне ходить, все осматривать; всюду излазил, по всему белой перчаткой водит да на все смотрит: не запачкался ли. Вымазался весь безобразно; перчатка мокрая, чернее грязи, а он все дует, точно пылинка к ней пристала. «Ничего, – говорит, – чисто ты, Климов, конюшню держишь... Спасибо! Что это ты, никак пол натираешь здесь?» А сам по щиколотку в навозной куче стоит. Вынул из кармана целковый, дал Климову и хочет уходить. Климов видит, что полковник сдобрился – напустил на себя смелость и говорит: «Ваше высокородие, дозволейте доложить». «Ну, что тебе?» – «Разрешите мне в отпуск на родину сходить: три года родных не видал». «Можно, – говорит полковник, – возьми завтра в кан-

целярии отпускной билет на месяц. Скажи, что я приказал тебе выдать. Это тебе за старанье».

Даже стыдно Климову своей удачи стало. Вычистил он к утру конюшню и вправду начисто – чтоб другого не подвести, – выправил себе отпуск и пошел на родину. Была она от того города недалеко – всего дня два ходу.

К вечеру пришел он в одно село и просится ночевать у богатого мужика. А мужик был с норовом: любил чтоб ему любопытное что рассказывали на ночь. «Ладно, – говорит солдату, – ночуй, только с уговором: рассказывай мне, пока не засну». Легли они с мужиком на полатях. Уж Климов ему сказывал-сказывал: и быль, и небылицы – все не спит мужик. «Постой, – думает солдат, – заморочу-ка его... Хозяин, а хозяин, – говорит, – знаешь, кто с тобой лежит?» «Кто? Вестимо, солдат». – «Нет, брат, не догадался: пощупай-ка». Ухватил его мужик рукой – как есть волк! Испугался на смерть. «Да ты не бойся, – говорит Климов, – посмотри на себя: ведь и ты медведем стал». Ощупал себя мужик кругом – и вправду, медведь! «Вот что, кум, – говорит Климов, – нам с тобой, медведю да волку, здесь опасно. Побежим в лес». Побежали. Попадается им по дороге мужикова лошадь. «Давай, съедим лошадь», – говорит волк. «Что ты, ведь это моя!» – «Ну, была твоя, когда ты человеком был; а теперь волку да медведю на зубы попалась». Съели они лошадь, бегут дальше. Увидали мужикову жену-старуху. «Давай старуху съедим», – говорит волк. «Ой, что ты: ведь это моя старуха!» – «Какая твоя!

Коли попалась нам, волку да медведю, значит наша». Съели и старуху... Так-то волк с медведем целое лето пробежали. Настает зима. «Давай, – говорит волк, – заляжем в берлогу: ты полезай дальше, а я наперед лягу. Придут охотники, убьют меня. Ты не зевай: как меня вытащат, ты из берлоги скачи и переметнись через меня – обернешься опять человеком». Лежат они, лежат; набрали на берлогу охотники. Сейчас волка убили, вытащили... Как выскочит медведь из берлоги да кувырк через волка – и полетел мужик с полатей вниз головой. Лежит на полу: «Ой, – вопит, – всю спину отбил, все печенки отшиб!» – «Чего ты с полатей-то сверзился?» – спрашивает Климов. «Да ты разве жив? Ведь тебя же, волка, охотники-то убили!» – «Эка, пригрезилось тебе! Только сон мне перебил...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.